

Зыгмунт Гросбарт

"Еврей" и "жид" : этнолингвистические рефлексии

Studia Rossica Posnaniensia 28, 73-78

1998

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

„ЕВРЕЙ” И „ЖИД”.
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕФЛЕКСИИ

“EVREI” AND “ZHID”.
SOME ETHNOLINGUISTIC REFLECTIONS

ЗЫГМУНТ ГРОСБАРТ

ABSTRACT. The author discusses the use of two words for the ethnonym “Jew” – “еврей” and “жид” – in Polish, Russian, and Ukrainian, and in the relations between those three Slavonic languages. The analysis has been conducted in view of the creative power of the word, which, as Humboldt put it, in a sense creates an image of the world “by tying it to man”.

Zygmunt Grosbart, Uniwersytet Łódzki, Katedra Romantyzmu i Literatury Współczesnej,
al. Kościuszki 65, 90-514 Łódź, Polska – Poland.

Начну издалека. Летом 1941 года, когда гитлеровские войска вторглись в Украину, мне приходилось сталкиваться с немецкими солдатами и офицерами. Мы разговаривали по-немецки, и мои собеседники с приятностью, как сами говорили, слушали свой родной язык вдали от родины. „Sind Sie nicht Israelit?” – спросил вдруг один из них. „Нет”, – сказал я, – и добавил: „Почему Вы так думаете?” В ответ услышал: „Denn die Juden sprechen gut deutsch...”.

Я думаю, что ход мыслей немца был таков: вначале, не будучи уверенным, какой я национальности, он осторожно употребил слово „Israelit”, которое, по его мнению, звучало менее грубо, чем привычное „Jude”. Придя же к выводу, что я не еврей, он заговорил своим обычным языком, органической частью которого был „Jude”, воплощавший в нацистской идеологии все мировое зло.

Теперь расскажу еще одно происшествие, напомнившее мне, *mutatis mutandis*, описанный выше разговор с немцем во время войны. В пятидесятых годах я был в Украине свидетелем такого диалога:

– Вы – жидовка? – обратился какой-то выпивший тип к женщине. – Какое вам дело? – спросила она резко. – А вы скажите, – не унимался тип, – вы жидовка или еврейка? – А какая разница между жидовкой и еврейкой? – поинтересовалась женщина. На это тип торжественно и с удовольствием ответил, считая, видно, свои слова хо-рошей шуткой: – Жид будет долго жить, а еврей – сдохнет скорей.

В этих словах малокультурного человека „грубо и зримо” воплощается мысль о созидательной роли слова, которую в европейской культуре убедительно выразил Вильгельм фон Гумбольдт, рассматривая язык не только как „орудие разума” (а такое понимание было весьма распространено), но и как „творение, формируемое человеком, но, одновременно, и формирующее человека: – содержащее в себе образ окружающего мира, но, в некотором смысле, и постоянно создающее этот мир в тесной связи с человеком”¹. В такой именно связи, в аспектах созидательной роли языка в формировании мировоззрения человека и видения им некоторых реальных аспектов объективно существующего мира рассматривается конкретная проблематика данной статьи.

Язык формирует, творит действительность – эта, нематериалистическая, по сути, истина не подлежит сомнению. Примеры ее использования бесчисленны. Так, во время гражданской войны на территории, которая впоследствии стала Советским Союзом, „красные” говорили о „бандах белых”, а „белые” о „бандах красных”. Затем, вскоре после начала Великой Отечественной войны, гитлеровцы специальным указом называли боровшихся против них партизан „бандитами” (*Banditen, Bandenmitglieder*). Через несколько десятков лет, когда был заключен договор о выводе советских войск из Афганистана, пейоративное определение „душманы”, употреблявшееся по отношению к противникам СССР и просоветского правительства в Кабуле, было в официальных советских изданиях заменено положительным словом „муджахеды”. Вот несколько очень простых примеров этнолингвистического, так сказать, формирования в умах людей определенного образа окружающего мира.

Польское слово „*Żyd*” и его русский фальси-эквивалент „жид” имеют совершенно иную стилистическую и эмоциональную окраску. По-польски – это название абсолютно нейтральное, лишенное какого бы то ни было отрицательного оттенка: „*Żyd rozsławiony*”² – так называет Мицкевич одного из самых положительных героев поэмы *Pan Tadeusz*. Совершенно иначе звучит „жид” в русском языке. Я помню возмущение, которое на рубеже 40–50-х годов вызвал среди советских евреев выход в свет рассказа Тургенева под заглавием *Жид*, изданного тогда в приложении к популярному журналу „Огонек”³. Эту реакцию можно считать совершенно оправданной; достаточно сослаться на взволнованное и резкое стихотворение Владимира Маяковского, написанное за два десятилетия раньше, в котором поэт обращается не только „к – Россиям”, но и „к – Америкам, ко всему человеческому собранию”, с призывом:

¹ См.: Z. K o r c z y Ń s k a, *Język a poezja. Studia z dziejów świadomości językowej i literackiej oświecenia i romantyzmu*. Wrocław 1976, с. 195.

² A. M i c k i e w i c z, *Pan Tadeusz*. В: он же, *Dziela*, т. IV. (Kraków) 1948, с. 353.

³ И.С. Тургенев, *Жид*. В: он же, *Собрание сочинений*, т. V, Москва 1949, с. 88-101.

– Выплюньте
 это
 омерзительное слово,
 выкиньте
 с матерщиной и бранью!⁴

Речь идет об „омерзительном слове” „жид”.

Психолингвистическое осуждение слова „жид” в русском языке создает иногда ситуации совершенно курьезные. В качестве примера позволю себе привести аутентичную историю, которая сильно врезалась мне в память. Она случилась много лет назад, поэтому целесообразно было провести ее верификацию. С этой целью в восьмидесятых годах, до обнаружения этой истории⁵, я обратился к ее участнице, профессору Марии Кофте, которая мой рассказ подтвердила и дополнила. Так, это было в западноукраинском городе Ровно после входа Красной Армии в сентябре 1939 года. Тогда военный комендант города позвал к себе Кофту, молодую интеллигентку, которая импонировала ему знанием языков, и предложил ей проверить языковую правильность польской версии обращения к населению района. Эта версия начиналась так (цитирую по-польски, а, точнее, по-квазипольски): „Do obywateli Zachodniej Ukrainy – Ukraińców, Rosjan, Polaków i Jewrejów!”. И чрезвычайно трудно было убедить советского командира, что в польском тексте надо употребить слово „Żyd”. Это слово он всегда видел и слышал в русской речи, через восприятие русского человека, следовательно, и теперь, в польском тексте, считал его грубым и оскорбительным. Он не принимал объяснений, что на польском языке именно определение „jewrej” можно было бы считать пейоративным. Так, напр., Юлиан Тувим в одном из стихотворений иронически писал, что занимается шпионской деятельностью в пользу Советского Союза вместе со своим „wujciem, jewrejem brodatym, emisariuszem sowie-tów”⁶, своеобразно стилизируя польское слово „Żyd” под русский язык и в то же время реально отражая существовавшую (и существующую до сих пор) языковую тенденцию. Употребление в польском тексте русизма „jewrej” определяет звучание эвентуального русского перевода этого фрагмента, который мог бы приобрести такую, примерно, форму: „С дядей, бородатым жидом, советским эмиссаром”. Именно грубое русское слово „жид”, а не нейтральное „еврей”, можно было бы считать здесь эквивалентным.

⁴ В. М а я к о в с к и й, *Жид*. В: он же, *Полное собрание сочинений*, т. IX, Москва 1958, с. 121.

⁵ В моем докладе на научной конференции Варшавского университета, состоявшейся 20-24 ноября 1989 г. См.: Z. G r o s b a r t, *Swoistość języków a jednostka przekładu*. В: *My i oni. Obcość czy wspólnota?* Warszawa 1990, с. 148-149.

⁶ См.: J. T u w i m, *Mój dzionek*. В: он же, *Jarmark rymów*, Warszawa 1958, с. 85.

что столь странно выражающийся гражданин „подждал автобуса”, но, считая себя культурным человеком, гнушался употреблением слова „жид”, и, встретив эту форму в глаголе „поджидать”, решил псевдоморфему „жид” заменить на „еврей”: оттуда „подъевреивать”.

Отрицательное отношение к – по определению Маяковского – „омерзительному слову” „жид” распространилось на граничащие с Россией славянские республики, в частности на Украину. Это было не совсем оправдано, поскольку в украинском языке „жид” не обязательно, не всегда звучало одиозно. В качестве примера приведу две строчки одной из т. наз. *Співомовок* известного украинского поэта-демократа Степана Руданского (цитирую издание 1962 года):

Але йде жидок убогий,
Пейсами потряс: – ¹⁰.

Помню, однако, что в довоенном издании *Співомовок* первая строчка выглядела иначе:

Але йде єврей убогий.

Из новых изданий произведений украинских писателей и публицистов, вышедших в свет после Октябрьской революции, изымались пейоративные, по мнению не вполне компетентных цензоров, названия отдельных национальностей и этнических групп. С другой же стороны, за употребление слова „жид” (вместо „еврей”) в Украине до Великой Отечественной войны можно было заплатить штраф и даже получить тюремное наказание. Об этом с возмущением рассказывал мне мой приятель, представитель украинской интеллигенции. Это был один из „перегибов”, характерных для отношений между этническими группами, из которых одна, ранее угнетенная, получала равноправие и требовала его безусловной, мелочной реализации. Такая жесткая, негибкая защита каждого из завоеванных прав бывает опасной для межнациональных, межэтнических отношений, может вызвать нелюбовь, антипатию, даже злобу в некоторых слоях населения. По моему, сугубо личному мнению, к сказанному выше относится лукавая шутка, бытовавшая в нашей стране после краха т. наз. реального социализма. Она состоит из двух фраз, вопроса и ответа. Вопрос: „Co się teraz nosi w Polsce?” („Что теперь носят в Польше?”). Ответ: „Żydów na rękach...” (т.е. „евреев на руках”). Я эту вроде невинную шуточку всегда считал опасной, так как она как будто ставила определенную группу населения в привилегированное положение.

Возвращаясь, однако, к украинским реалиям, следует обратить внимание на характерное явление: слова „еврей” или „жид”, которые теоретически могут быть равнозначными и нейтральными, стали (как заметил

---

¹⁰ С. Руданський, *Засідатель*. В: он же, *Твори*, Київ 1962, с. 160.

один из участников нашей конференции¹¹⁾ в современной украинской прессе своеобразной лакмусовой бумажкой, определяющей идейное и политическое направление данного конкретного издания. В этом контексте употребление слова „жид” обозначает тяготение к антисемитизму.

Итак, созидательная, творческая сила слова несомненна; но, как всякая большая сила, она требует контроля, чувства меры и осторожного к ней отношения. Нарушение этих требований может привести к результатам неожиданным, а иногда – нежелательным.

---

¹¹ Марк Соколянский, профессор Одесского государственного университета.